РУССКОЕ ЦАРСТВО

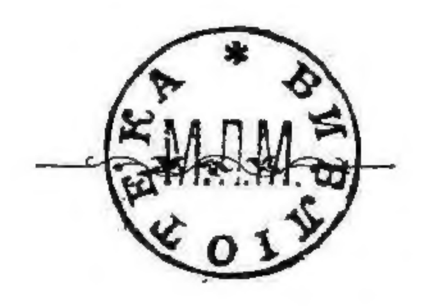
ОТЪ ПРЕКРАЩЕНІЯ

РЮРИКОВА ДОМА

ДО ВОЦАРЕНІЯ

ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза,
Большая Подъяческая, № 39.
1882.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Февраля 1882 года.

РУССКОЕ ЦАРСТВО

отъ прекращенія Рюрикова дома до воцаренія дома Романовыхъ.

По кончинѣ сына Ивана Грознаго, Ѳеодора Ивановича, Москва тотчасъ же присягнула его супругѣ, Иринѣ. Но Ирина уѣхала въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ и постриглась въ монахини подъ именемъ Александры. Вслѣдъ за царицею туда же удалился и братъ ея Борисъ Годуновъ. Между тѣмъ приверженцы Бориса усердно дѣйствовали въ его пользу. Патріархъ Іовъ, оставшійся тогда главнымъ лицомъ въ государствѣ, прямо указалъ на Бориса, какъ человѣка самаго достойнаго занять престолъ; вмѣстѣ съ духовенствомъ, боярами и московскими гражданами онъ отправился къ Годунову, въ Новодѣвичій монастырь, умолялъ его принять корону; Годуновъ отказался. Созвали земскій соборъ; патріархъ и приверженцы Годунова стали говорить, что во всемъ государствѣ нѣтъ человѣка болѣе способнаго и достойнаго занять престолъ, и соборъ выбралъ его въ цари. Но Борисъ хотѣлъ, чтобы его побольше упрашивали, и опять отказался. Тогда патріархъ пошелъ въ Новодѣвичій монастырь въ третій разъ, съ крестнымъ ходомъ. Стоя на колѣняхъ, всѣ плакали, кто по своей волѣ, а кто и по приказу, и просили царицу благословить Бориса на царство. Царица смилостивилась, благословила, и Годуновъ наконецъ согласился возложить на свою голову вѣнецъ Мономаха.

Съ умысломъ также преувеличены были слухи объ угрожавшемъ нашествіи крымскаго хана. Послѣ своего избранія, Борисъ немедленно вооружилъ многочисленное войско и выступилъ къ южнымъ границамъ государства; но вмѣсто татарскихъ полчищъ его встрѣтили послы отъ хана съ мирными предложеніями. Угостивъ войско на-славу, новый царь воротился въ Москву и съ большою торжественностью короновался на царство. Во время обряда коронованія, Годуновъ обратясь къ патріарху, воскликнулъ: «Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ нищаго или сираго; послѣднюю рубашку раздѣлю съ народомъ»!

Первые годы Борисова царствованія характеромъ своимъ почти не отличались отъ временъ Ѳеодора, потому что правитель былъ тотъ же самый.

Къ иностранцамъ Борисъ питалъ особенное расположеніе; онъ учредилъ при своемъ дворѣ наемный нѣмецкій отрядъ тѣлохранителей, которымъ давалъ большое жалованье; вызывалъ въ Россію художниковъ и ремесленниковъ; думалъ даже вызвать ученыхъ людей и завести школы для обученія иностраннымъ языкамъ; но духовенство этому воспротивилось. Тогда царь отправилъ для образованія за границу 18 молодыхъ людей, которые однако не воротились послѣ въ отечество. Годуновъ сдѣлалъ попытку породниться съ однимъ изъ европейскихъ дворовъ: онъ пригласилъ въ Москву датскаго принца Іоанна и помолвилъ за него свою дочь Ксенію; но принцъ вскорѣ послѣ пріѣзда скончался.

Не смотря на свои неусыпныя заботы о государствѣ, Борисъ все болѣе и болѣе терялъ народное расположеніе; главною причиною того были его мелочность и подозрительность. Первою жертвою его подозрительности сдѣлался Богданъ Бѣльскій, бывшій воспитатель царевича Димитрія; его обвинили въ злыхъ умыслахъ противъ царя, и сослали въ Сибирь. Недостойные любимцы и слуги поспѣшили воспользоваться этою слабостью Бориса, и наступило время доносовъ;

хотя явныхъ казней не было, за то свирѣпствовали тайныя убійства, пытки и заточенія. Повсюду распространилось уныніе. Въ числѣ знатныхъ фамилій, подвергшихся преслѣдованію Бориса, находились братья Романовы (они были двоюродными братьями покойнаго царя Ѳедора): ихъ обвинили въ намѣреніи отравить царя, и разослали по отдаленнымъ мѣстамъ въ заключеніе, а старшаго изъ братьевъ Ѳеодора Никитича постригли въ монахи (подъ именемъ Филарета) и заточили въ монастырь Антонія Сійскаго.

Въ царствованіе Годунова шпіонство развилось до крайнихъ предѣловъ. По московскимъ улицамъ — говорятъ современники — «то и дѣло сновали мерзавцы, да подслушивали», и чуть только кто заведетъ рѣчь о царѣ, о государственныхъ дѣлахъ, сейчасъ говоруновъ хватаютъ и въ пытку... Гдѣ только люди соберутся, тамъ являются соглядатаи и доносчики. Все пустилось на доносы, потому что это было выгодно. Вообще достаточно было одного обвиненія въ недоброжелательствѣ царю: подозрѣваемыхъ тотчасъ подвергали пыткамъ; а если они подъ пыткою оказывались сколько нибудь виновны, ихъ заключали въ темницы или отправляли въ ссылку. Обыкновенно обвиняли опальныхъ въ колдовствѣ. Борисъ всѣми силами скрывалъ то, чего онъ дѣйствительно искалъ, но высказывалъ другаго рода страхъ, чтобы его и семью его не испортили чарами, наговорами, зельями. Донесли Борису, что уже въ Польшѣ поговариваютъ, будто законный наслѣдникъ прежнихъ государей московскихъ живъ. Борисъ, не упоминая имени Димитрія, приказалъ поставить на западной границѣ караулы, всѣхъ задерживать и доносить ему. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Трудно было переѣзжать изъ города въ города. Всѣ знали, что ищутъ какихъ-то важныхъ преступниковъ, но никому не объявляли, кого ищутъ. По всему Московскому государству было схвачено и перемучено множество невинныхъ людей, а того, кого нужно было Борису, не находили.

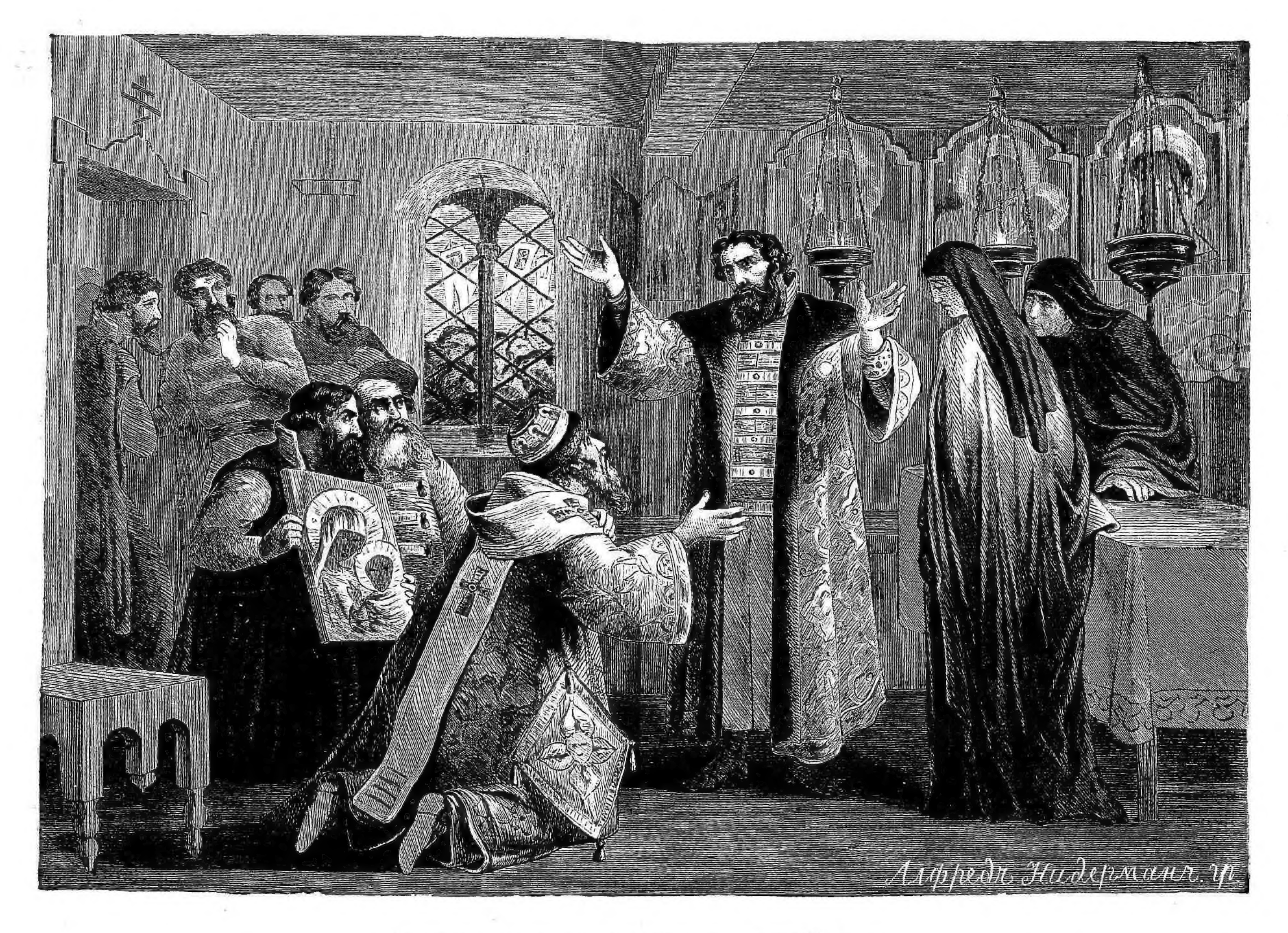
Въ эти тяжелыя времена доносовъ и пытокъ, постигъ Русскую

землю страшный голодъ. Вслѣдствіе неурожаевъ такое бѣдствіе постигло Московское государство, по словамъ современниковъ, какого не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Въ одной Москвѣ, куда стекались со всѣхъ сторонъ толпы нищихъ, погибали десятки тысячъ людей. Бѣдняки ѣли собакъ, кошекъ, мышей, сѣно, солому и даже, въ припадкѣ бѣшенства, съ голоду пожирали другъ друга. Вареное человѣческое мясо продавалось на московскихъ рынкахъ. Дорожному человѣку опасно было заѣхать на постоялый дворъ, потому что его могли зарѣзать и съѣсть.

Такъ въ продолженіи трехъ лѣтъ страшный голодъ терзалъ Русскую землю. Современники говорятъ, будто въ эти ужасные три года въ одной Москвѣ погибло до 127,000 человѣкъ.

Борисъ, однако, не хотѣлъ, чтобы вѣсть о такомъ печальномъ положеніи народа въ его государствѣ дошла заграницу, и воображалъ, что можно утаить его. Поэтому, когда, по окончаніи голода, въ Москву пріѣхали иноземные послы, то Борисъ приказалъ всѣмъ наряжаться въ цвѣтныя платья, а бѣднякамъ запрещено было въ своихъ лохмотьяхъ являться на дорогу. Смертная казнь была обѣщана тому, кто станетъ разсказывать пріѣзжимъ иноземцамъ о бѣдствіяхъ Московскаго государства.

Въ эти злополучные голодные годы въ народѣ возникло убѣжденіе, что царствованіе Бориса не благословляется Небомъ, потому что, достигнутое беззаконіемъ, оно поддерживается неправдою; толковали, что если утвердится на престолѣ родъ Бориса, то не принесетъ Русской землѣ счастья. Люди родовитые оскорблялись и тѣмъ, что на царскомъ престолѣ сѣлъ потомокъ татарина. Становилось желательно, чтобы нашелся такой, который имѣлъ бы въ глазахъ народа гораздо болѣе правъ передъ Борисомъ. Такимъ лицомъ былъ именно Димитрій, сынъ прежняго государя (Ивана Грознаго). Мысль о томъ, что онъ живъ и скоро явится отнимать у Бориса похищенный престолъ, все болѣе и болѣе распространялась въ народѣ, а же-

Борисъ Годуновъ принимаетъ царскій санъ.

стокія преслѣдованія со стороны Бориса скорѣе поддерживали ее, чѣмъ искореняли. И вотъ, въ началѣ 1604 года, перехвачено было письмо, писанное однимъ иноземцемъ изъ Нарвы: въ этомъ письмѣ было сказано, что явился сынъ московскаго царя Ивана Васильевича, Димитрій, который находится будто бы у казаковъ, и Московскую землю скоро постигнетъ большое потрясеніе. Вслѣдъ затѣмъ, пришли въ Москву люди, взятые въ плѣнъ казаками подъ Саратовомъ и отпущенные на родину; они принесли вѣсть, что казаки грозятъ скоро придти въ Москву съ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ.

Народъ ожидалъ чего-то необычайнаго. Давно носились разсказы о разныхъ видѣніяхъ и предзнаменованіяхъ. Ужасныя бури вырывали съ корнемъ деревья, опрокидывали колокольни. Женщины и домашнія животныя производили на свѣтъ уродовъ. Въ Москву забѣгали волки и лисицы; на небѣ стали видѣть по два солнца и по два мѣсяца. Наконецъ лѣтомъ 1604 года явилась комета, и астрологъ-нѣмецъ предостерегалъ Бориса, что ему грозятъ важныя перемѣны.

Царь Борисъ, услышавши, что въ Польшѣ явился какой-то человѣкъ, выдававшій себя за Димитрія, началъ съ того, что подъ предлогомъ, что въ Литвѣ свирѣпствуетъ какое-то повѣтріе, велѣлъ учредить на литовской границѣ крѣпкія заставы и не пропускать никого ни изъ Литвы, ни въ Литву, а внутри государства умножилъ шпіоновъ, которые всюду прислушивались: не говоритъ ли кто о Димитріи, не порицаетъ ли кто Бориса. Обвиненнымъ рѣзали языки, сажали ихъ на колья, жгли на медленномъ огнѣ и, даже, по одному подозрѣнію ссылали въ Сибирь, гдѣ предавали тюремному заключенію. Борисъ становился недоступнымъ, не показывался народу. Просителей отгоняли пинками и толчками отъ дворцоваго крыльца; а начальные люди, зная, что до царя на нихъ не дойдутъ жалобы, безнаказанно совершали разныя насилія и увеличивали ненависть народа къ Борису. Между тѣмъ въ Москву давали знать, что въ польской

Украйнѣ подъ знаменемъ Димитрія собирается ополченіе и со дня на день нужно ждать вторженія въ московскіе предѣлы, а въ іюлѣ посланникъ нѣмецкаго императора сообщилъ отъ имени своего государя, по сосѣдской дружбѣ, что въ Польшѣ проявился Димитрій, и надобно принимать противъ него мѣры. Борисъ приказалъ отвѣтить посланнику, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ, а въ Польшѣ явился какой-то обманщикъ, и царь его не боится. Однако, посовѣтовавшись съ патріархомъ, царь находилъ, что нужно же объяснить, и самимъ себѣ, и народу, кто такой этотъ обманщикъ. Стали думать, и придумали, что это должно быть бѣжавшій въ 1602 году Григорій Отрепьевъ. Онъ былъ родомъ изъ галицкихъ дѣтей боярскихъ, постригся въ Чудовомъ монастырѣ. Патріархъ Іовъ взялъ его къ себѣ для книжнаго письма, ради того, что Отрепьевъ былъ грамотѣ гораздъ. Бывая съ патріархомъ у государя во дворцѣ, Отрепьевъ зорко присматривался ко всему обиходу царскому, прислушивался ко всѣмъ рѣчамъ, особенно къ тому, что тайно говорилось про царевича Димитрія. Скоро сталъ онъ похваляться чудовскимъ монахамъ, что будетъ въ Москвѣ царемъ. Слухъ объ этомъ дошелъ до царя Бориса, и онъ велѣлъ, за вранье и пустыя рѣчи, сослать Григорія въ дальній монастырь подъ строгій надзоръ. Но вѣрно помогли сильные люди—враги Бориса: вмѣсто ссылки Отрепьевъ бѣжалъ въ Литву. Поживши тутъ въ разныхъ мѣстахъ и научившись латинскому и польскому языкамъ, Отрепьевъ поступилъ слугой къ богатому и знатному князю Вишневецкому. Здѣсь онъ прикинулся тяжко-больнымъ, просилъ позвать къ нему духовника, которому на исповѣди сказалъ, что онъ русскій царевичъ Димитрій, спасенный отъ руки злодѣевъ; что вмѣсто него зарѣзанъ въ Угличѣ другой ребенокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ духовника, пока онъ не умретъ, никому не открывать этой тайны. Священникъ не вытерпѣлъ, сказалъ объ этомъ князю Вишневецкому, а тотъ разгласилъ вездѣ по сосѣдству. Когда Отрепьевъ выздоровѣлъ, то Вишневецкій и всѣ сосѣдніе помѣщики стали ока-

зывать ему большой почетъ, какъ царскому сыну. Узналъ объ этомъ и Сигизмундъ, король польскій и литовскій, пожелалъ видѣть русскаго царевича, принялъ его съ ласкою и велѣлъ давать ему большое жалованье на прожитіе.

Такъ пошло въ ходъ дѣло, которое задумали бояре, Борисовы недруги. Но оно, можетъ, и не удалось-бы, если бы не помогли Отрепьеву хитрые латинскіе монахи—іезуиты. Они готовы были накликать всякое зло на Россію, лишь бы подкопаться подъ православную вѣру и ввести свою, римскую. Они растолковали Отрепьеву, что не будетъ ему удачи и подмоги въ Польшѣ и Литвѣ, пока онъ не пообѣщается ввести въ Московскомъ государствѣ латинскую вѣру. Отрепьевъ обѣщалъ и самъ принялъ тайкомъ латинство. А чтобы надежнѣе скрыть свое самозванство, онъ назвалъ Григоріемъ Отрепьевымъ одного пьянчугу-монаха, который при немъ проживалъ.

Послѣ этого іезуиты стали хлопотать, чтобы король далъ Отрепьеву рать. Но Сигизмундъ не хотѣлъ вступать въ открытую войну съ Борисомъ, не хотѣлъ также и іезуитамъ отказать. Онъ призвалъ къ себѣ Сендомирскаго воеводу Юрія Мнишка, и дозволилъ ему, набравъ армію изъ праздной воинственной польской шляхты, идти съ самозванцемъ въ Московское государство, будто по своей волѣ, безъ королевскаго слова. Этого Мнишка Отрепьевъ зналъ уже раньше; его красавица дочь, Марина, сильно приглянулась и полюбилась самозванцу. Отрепьевъ посватался за нее, Марина дала ему слово, но свадьбу отложила до того времени, когда женихъ будетъ московскимъ государемъ.

Борисъ сильно перепугался, узнавъ, что дѣло завязалось не шуточное. Патріархъ Іовъ, во всемъ послушный Борису, взялся объяснить народу это запутанное дѣло. Умалчивая о томъ, какъ не стало Димитрія, первопрестольникъ русской церкви увѣрялъ въ своей грамотѣ народъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ есть бѣглый монахъ—Гришка Отрепьевъ. Патріархъ извѣщалъ, что онъ

съ освященнымъ соборомъ проклялъ Гришку, повелѣлъ во всѣхъ церквахъ предавать анаѳемѣ его и съ нимъ всѣхъ тѣхъ, кто станетъ называть его Димитріемъ.

Ни патріаршая грамота, ни обрядъ проклятія не расположили къ Борису народа русскаго. Московскіе люди считали всѣ увѣренія патріарха ложью. По поводу проклятія говорили: «Пусть, пусть проклинаютъ Гришку! отъ этого царевичу ничего не станется. Царевичъ—Димитрій, а не Гришка». Борисовы шпіоны продолжали подслушивать, и не проходило дня, чтобы въ Москвѣ не мучили людей кнутомъ, желѣзомъ и огнемъ.

Тѣмъ временемъ подъ знаменами самозванца собрались польско-литовскіе шляхтичи, жадные искатели приключеній и золота; къ нимъ присоединилось много казаковъ, которые также разсчитывали поживиться въ ненавистной имъ Москвѣ. Всего набралось у Отрепьева разныхъ людей 4000, и въ октябрѣ 1604 года онъ перешелъ Днѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Украинскіе города одинъ за другимъ отворяли ему ворота; сопротивленіе оказалъ только Новгородъ-Сѣверскій, въ которомъ начальствовалъ мужественный воевода Петръ Басмановъ. Самозванецъ засѣлъ въ Путивлѣ, куда со всѣхъ сторонъ приходили русскіе бить челомъ своему прирожденному государю. Борисъ ясно увидѣлъ, что могущество Лжедимитрія заключалась не въ военной силѣ, а въ готовности народа и войска перейти при первомъ удобномъ случаѣ на его сторону, такъ какъ всѣ вѣрили, что онъ настоящій царевичъ.

Борисъ былъ въ страшномъ томленіи, обращался къ ворожеямъ, предсказателямъ, запирался и цѣлыми днями сидѣлъ одинъ, а сына своего Ѳедора посылалъ молиться по церквамъ. Казни и пытки не прекращались. Борисъ начиналъ видѣть измѣну даже въ близкихъ ему людяхъ и, не надѣясь сладить съ соперникомъ посредствомъ военной силы, онъ рѣшилъ попытаться тайнымъ убійствомъ избавиться отъ своего врага. Попытка эта не удалась. Монахи, которыхъ въ

Инокиня Марфа и Шуйскій подтверждають смерть Димитрія.

мартѣ подговорилъ Борисъ ѣхать въ Путивль отравить самозванца, попались съ ядомъ въ руки послѣдняго. Неизвѣстно, дошла-ли до Бориса объ этомъ вѣсть, но вскорѣ ему пришелъ конецъ.

13-го апрѣля царь всталъ здоровымъ и казался веселѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣдни приготовленъ былъ праздничный столъ въ золотой палатѣ. Борисъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и переполнилъ себѣ желудокъ. Послѣ обѣда онъ пошелъ на вышку, съ которой часто обозрѣвалъ всю Москву. Но вскорѣ онъ поспѣшно сошелъ оттуда, говорилъ, что чувствуетъ колотье и дурноту. Вслѣдъ за тѣмъ кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа. Черезъ два часа царя не стало; Москва присягнула шестнадцатилѣтнему сыну Бориса—Ѳедору.

Новый царь послалъ противъ самозванца Басманова, того самого храбраго воеводу, который оборонялъ Новгородъ-Сѣверскій. Пріѣхавъ къ войску, Басмановъ увидѣлъ, что ратные люди неохотно идутъ сражаться противъ самозванца, не зная на чьей сторонѣ правда. Тогда Басмановъ, не долго думая, объявилъ войску, что Димитрій—законный государь, и передался самозванцу.

Биться было не съ кѣмъ; Отрепьевъ пошелъ къ Москвѣ, а напередъ послалъ туда преданныхъ ему бояръ, и отправилъ вѣрныхъ людей къ инокинѣ Марѳѣ, матери царевича Димитрія. Бояре взбунтовали народъ, свели Іова съ патріаршаго престола, а царя Ѳедора Борисовича и мать его задушили. Инокиня Марѳа была женщина слабодушная: самозванцевы послы такъ застращали ее, что она согласилась назвать обманщика своимъ сыномъ. 20-го іюня 1605 г. Отрепьевъ въѣхалъ въ Москву. Духовенство встрѣтило его со крестами, колокола звонили, народъ тѣснился на улицахъ, взбирался на кровли, на колокольни. Всѣ радовались и веселились, падали передъ самозванцемъ на колѣни и кричали: «дай Господи тебѣ, государь, здоровья; ты наше солнышко праведное!» Москва, а за нею и все государство цѣловали ему крестъ по охотѣ, безропотно.

По словамъ современниковъ, Лжедимитрій былъ статно сложенъ, но лицо его не было красиво, носъ широкій, рыжеватые волосы; за то у него былъ прекрасный лобъ и умные выразительные глаза.

Вступивши во дворецъ, Отрепьевъ принималъ поздравленія съ новосельемъ; бояринъ Бѣльскій, который былъ воспитателемъ убитаго царевича Димитрія, на Лобномъ мѣстѣ всенародно цѣловалъ крестъ въ томъ, что новый царь есть истинный Димитрій.

Первымъ дѣломъ Лжедмитрія было послать за матерью, инокинею Марѳою. 18 іюля прибыла царица, инокиня Марѳа. Царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ. Безчисленное множество народа побѣжало смотрѣть на такое зрѣлище. Когда карета, гдѣ сидѣла царица, остановилась, царь быстро соскочилъ съ лошади. Марѳа отдернула занавѣсъ, покрывавшій окно кареты. Лжедимитрій бросился къ ней въ объятія. Оба рыдали. Такъ прошло нѣсколько минутъ въ виду всего народа. Потомъ царь до самой Москвы шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты. Марѳа въѣзжала въ столицу при звонѣ колоколовъ и при ликованіяхъ народа: тогда уже никто въ толпѣ не сомнѣвался въ томъ, что на московскомъ престолѣ истинный царевичъ; такое свиданіе могло быть только свиданіемъ сына съ матерью. Царица Марѳа была помѣщена въ Вознесенскомъ монастырѣ. Лжедимитрій ежедневно посѣщалъ ее, и, при началѣ каждаго важнаго дѣла, испрашивалъ ея благословенія.

30-го іюля Лжедимитрій вѣнчался царскимъ вѣнцомъ отъ новаго патріарха Игнатія, лукаваго и изворотливаго грека. Посыпались милости. Возвращены были изъ ссылки всѣ опальные прежняго царствованія. Филаретъ Никитичъ Романовъ сдѣланъ былъ митрополитомъ ростовскимъ. Боярскую думу Лжедимитрій преобразовалъ и назвалъ ее сенатомъ. Каждый день онъ присутствовалъ въ сенатѣ, самъ разбиралъ дѣла, иногда самыя мелочныя, и удивлялъ думныхъ людей быстротою своего соображенія. Два раза въ недѣлю, въ среду и въ субботу, новый царь лично принималъ челобитныя и всѣмъ

Инокиня Марөа признаетъ самозванца за своего сына.

представлялась возможность объясниться съ нимъ по своимъ дѣламъ. Всѣми силами старался Лжедимитрій пріобрѣсти расположеніе народа. И въ началѣ своего воцаренія онъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ. Римскую вѣру свою онъ таилъ отъ всѣхъ и вовсе не думалъ православныхъ обращать въ латинство. Онъ понималъ, что это дѣло несбыточное, и взяться за него,—значитъ наложить на себя руки. Но, чтобы не поссориться съ іезуитами, онъ позволилъ имъ проживать въ Кремлѣ, завести тамъ свою церковь и служить въ ней латинскую обѣдню.

Такая новинка показалась народу дѣломъ непригожимъ и нечестивымъ. Нашлось и многое другое, что названный царь дѣлалъ не по старинѣ, противъ русскихъ обычаевъ и порядковъ. При всемъ своемъ умѣ, самозванецъ былъ человѣкъ легкомысленый, характера живаго, нестойкаго, безъ всякой выдержки. Такому человѣку мудрено было усмотрѣть за каждымъ своимъ словомъ, за каждымъ шагомъ; а смотрѣть было надо. Во время царскаго обѣда не по обычаю играла музыка, пѣлись пѣсни; передъ обѣдомъ самозванецъ не молился Богу, послѣ обѣда не умывалъ рукъ и не спалъ; въ баню не ходилъ, ѣлъ телятину... Все это ставилось ему въ вину и возстановляло противъ него русскихъ людей, чтившихъ старинные обычаи и порядки.

Про самозванца стали ходить въ Москвѣ дурные слухи. Распускали ихъ больше всѣхъ Шуйскіе, особенно князь Василій, тотъ самый, что развѣдывалъ въ Угличѣ про смерть царевича Димитрія. Басмановъ донесъ самозванцу; Шуйскихъ перехватали, судили соборомъ, и Василія Шуйскаго, какъ главнаго зачинщика, приговорили къ смертной казни. Лжедимитрій простилъ его при самой плахѣ и велѣлъ только сослать вмѣстѣ съ другими виноватыми въ дальнія мѣста; но и этого не сдѣлалъ, вернулъ всѣхъ съ дороги и простилъ совсѣмъ.

Прошелъ безъ малаго годъ; въ Москву пріѣхала невѣста От-

репьева, Марина Мнишекъ, съ отцомъ своимъ и съ двумя тысячами поляковъ. Самозванецъ повѣнчался съ нею 8 мая, на пятницу и на Николинъ день, противъ устава и обычая церковнаго.

Въ народѣ роптали на Лжедимитрія за то, что онъ живетъ не по старинѣ, но все-таки любили его за добрый и милостивый нравъ, и почти всѣ вѣрили, что онъ не обманщикъ, а царь прирожденный. Такъ сумѣлъ Отрепьевъ обморочить русскихъ людей! Народъ былъ только крайне золъ на поляковъ, которые буйствовали въ Москвѣ и обижали русскихъ: на поляковъ всѣ готовы были подняться по первому слову. Василій Шуйскій ухватился за это, чтобы погубить самозванца.

Въ Москвѣ устроился заговоръ, которымъ руководилъ Шуйскій. Рѣшено было сначала отмѣтить домы, въ которыхъ живутъ поляки, а утромъ рано ударить въ набатъ и закричать народу, будто поляки хотятъ убить царя и перебить думныхъ людей; народъ бросится бить поляковъ, а заговорщики въ то время покончатъ съ самозванцемъ.

Не смотря на то, что Лжедимитрій былъ предупрежденъ о томъ, что въ Москвѣ существуетъ заговоръ, что замышляютъ убить его,— онъ не обратилъ на этотъ доносъ ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ предаваться безпечному веселью.

16-го мая бояре, именемъ царскимъ, приказали нѣмецкой стражѣ (охранявшей самозванца) разойтись на ночь по домамъ, оставивъ во дворцѣ только 30 человѣкъ. На разсвѣтѣ, въ 4 часа загудѣлъ набатъ у Ильи Пророка, и разомъ зазвонили во всѣ колокола московскіе. Толпы народа хлынули на Красную площадь; тамъ уже сидѣли на коняхъ человѣкъ 200 бояръ. Кто изъ народа не зналъ изъ-за чего тревога, тѣмъ говорили, что поляки бьютъ бояръ и хотятъ убить царя. Шуйскій отправился со своими единомышленниками въ Кремль, другіе бросились на поляковъ.

Набатъ и тревога разбудили самозванца; но ему сказали, что

Возстаніе Москвы на самозванца.

гдѣ-то въ городѣ пожаръ, и онъ успокоился. Шумъ становился все сильнѣе; до Отрепьева доносились крики и вопли; онъ послалъ узнать Басманова, что такое дѣлается. Басмановъ выглянулъ изъ дворцовыхъ дверей и увидѣлъ толпу, которая кричала, чтобы выдали ей самозванца. Басмановъ бросился къ Отрепьеву и сказалъ ему, что Москва взбунтовалась. Самозванецъ схватилъ мечъ, выбѣжалъ на крыльцо, сталъ грозиться и кричать: «Я вамъ не Годуновъ!» Изъ толпы стали въ него стрѣлять: онъ спрятался. Басмановъ остался на крыльцѣ и принялся уговаривать бояръ; его убили и сбросили съ крыльца. Толпа съ ревомъ полѣзла впередъ на царскую стражу. Самозванецъ опять-было вышелъ, чтобы разогнать бунтовщиковъ; но видя, что они не унимаются, кинулся въ покои жены. Сказавъ ей, что народъ взбунтовался и чтобы она спасалась, онъ выскочилъ изъ окна на подмостки, чтобы спуститься по лѣсамъ, приготовленнымъ для иллюминаціи, и отдаться подъ защиту народа. Если бы Лжедимитрію удалось благополучно спуститься внизъ, то онъ былъ бы спасенъ. Народъ любилъ его и непремѣнно растерзалъ бы заговорщиковъ. Но Отрепьевъ споткнулся и упалъ на землю съ высоты 30 футовъ (слишкомъ 4 сажени). Онъ разбилъ себѣ грудь, вывихнулъ ногу, ушибъ голову и лишился чувствъ.

Стрѣльцы, державшіе караулъ, подбѣжали къ нему, отлили его водой Придя въ чувство, Лжедимитрій сталъ упрашивать стрѣльцовъ, чтобы они его не выдавали, и сулилъ имъ большія награды. Стрѣльцы обѣщались, отнесли его опять во дворецъ. Тогда соумышленники Шуйскаго стали грозить, что пойдутъ въ стрѣлецкую слободу и изобьютъ женъ и дѣтей стрѣлецкихъ. Стрѣльцы испугались и оставили названнаго царя. Одинъ изъ заговорщиковъ застрѣлилъ его изъ ружья. Трупъ обвязали веревками и потащили по землѣ изъ Кремля черезъ Спасскія ворота, и положили на Красной площади на столѣ. Къ ногамъ умерщвленнаго самозванца приволокли тѣло Басманова. На грудь Лжедимитрію положили маску, а въ ротъ воткнули дудку.

Въ продолженіи двухъ дней москвичи ругались надъ его тѣломъ, и затѣмъ свезли въ «убогій домъ» (кладбище для бѣдныхъ и безродныхъ) и бросили въ яму. Въ это время начались въ Москвѣ страшные морозы: это приписали волшебству еретика-самозванца; трупъ его вырыли изъ земли, сожгли, зарядили пушку пепломъ вмѣстѣ съ порохомъ, и выстрѣлили въ ту сторону, откуда пришелъ самозванецъ.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

На третій день послѣ смерти Лжедимитрія, москвичи собрались на Красной площади и провозгласили царемъ Василія Ивановича Шуйскаго.

По древне-русскому обычаю, слѣдовало созвать земскій соборъ, чтобы всей землей выбрать царя; но это было сильно не по душѣ властолюбивому Шуйскому: онъ не былъ увѣренъ, что соборъ изберетъ его въ цари, поэтому и рѣшился, съ помощью своихъ друзей и приверженцевъ, сѣсть на престолъ безъ собора. Никто не смѣлъ перечить, и Шуйскій былъ объявленъ царемъ. Въ патріархи выбрали Гермогена, казанскаго митрополита, ревностнаго защитника православія, человѣка непреклоннаго, суроваго характера.

По вступленіи своемъ на престолъ, Шуйскій сдѣлалъ многія уступки боярамъ, и далъ клятву не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта; это обстоятельство ограничило его самодержавную власть, но въ народѣ оно произвело неблагопріятное впечатлѣніе; народъ боялся своеволія и неправды боярской больше, чѣмъ царской неограниченной власти. Скупой, нерѣшительный и неискусный въ управленіи государствомъ, Шуйскій скоро заслужилъ общее нерасположеніе. Не одному простому народу, но и боярамъ онъ пришелся не

Князь Скопинъ Шуйскій отвергаетъ замыселъ Ляпунова.

по сердцу: одни изъ нихъ сами добивались царства, а другіе не взлюбили его за то, что онъ ихъ ничѣмъ не жаловалъ. Въ народѣ стали ходить недобрые слухи; люди простые, темные имъ вѣрили. Между прочимъ стали поговаривать, будто-бы Лжедимитрій спасся отъ смерти и опять нашелъ убѣжище въ Литвѣ. Шуйскій велѣлъ торжественно перенести изъ Углича въ Москву мощи убитаго царевича; но к это не подѣйствовало на народъ, всегда готовый вѣрить всему таинственному; началось волненіе, — Шуйскому не вѣрили потому, что онъ уже не разъ кривилъ душою по поводу смерти маленькаго Димитрія.

Первое возстаніе въ пользу мнимо-спасеннаго царевича произошло опять въ Сѣверной Украйнѣ, которую на этотъ разъ возмутилъ путивльскій воевода князь Шаховской. Однимъ изъ предводителей возстанія явился Иванъ Болотниковъ, человѣкъ отважный и даровитый, бывшій прежде холопомъ, а въ то время только что воротившійся изъ татарскаго плѣна. Онъ набралъ войско изъ казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холопей, разбилъ царскихъ воеводъ и подступилъ къ Москвѣ. Съ нимъ соединились рязанскіе мятежники подъ начальствомъ дворянина Прокопія Ляпунова и воеводы Сунбулова. Но Ляпуновъ и Сунбуловъ скоро покорились царю и получили награды; а Болотниковъ, побѣжденный царскимъ племянникомъ Михаиломъ Скопинымъ, заперся въ Тулѣ вмѣстѣ съ Шаховскимъ и однимъ казакомъ-самозванцемъ, который назвалъ себя сыномъ царя Θеодора Іоановича Петромъ. Шуйскій собралъ многочисленное войско и во главѣ его самъ повелъ осаду Тулы. Осажденные защищались отчаянно. Царь, по совѣту одного боярина, велѣлъ запрудить рѣку Упу; вода затопила окрестности Тулы и проникла въ самый городъ. Угрожаемые голодною смертью, мятежники сдались. Болотниковъ явился въ царскій станъ и, положивъ саблю на шею, сказалъ: «Въ твоей власти, государь, отсѣчь мнѣ голову; но если даруешь мнѣ жизнь, буду самымъ вѣрнымъ твоимъ слугою». Болотниковъ и Лже-

Петръ подверглись казни, а Шаховской былъ сосланъ. Царь послѣ того воротился въ Москву торжествовать свою побѣду. Событія показали, что это торжество было слишкомъ поспѣшное.

Въ Стародубѣ Сѣверскомъ явился человѣкъ, который сталъ выдавать себя за убитаго Лжедимитрія. Происхожденіе его до сихъ поръ остается загадочнымъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ поповичъ), во всякомъ случаѣ человѣкъ онъ былъ хитрый, ловкій и смѣлый. Никто не зналъ откуда онъ взялся, только на перваго самозванца—Отрепьева онъ не былъ похожъ нисколько. Подъ знамена его собрались русскіе измѣнники, привели свои дружины польскіе и литовскіе паны; пришли также казаки донскіе и днѣпровскіе. Самозванецъ двинулся къ Москвѣ. Дорогою онъ бунтовалъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, жаловалъ холопямъ чины и, разбивъ царскаго брата, князя Димитрія Шуйскаго, расположился станомъ въ 12-ти верстахъ отъ Москвы въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ прозваніе «Тушинскаго вора». Село Тушино внезапно превратилось въ большой городъ, начались тамъ пиры, пошло шумное веселье... Польскіе купцы пріѣхали сюда во множествѣ; изъ городовъ, признавшихъ самозванца, потянулись къ Тушину обозы съ съѣстными припасами, и мятежники во всемъ имѣли изобиліе. Ратные люди прибывали съ каждымъ немъ. Между тѣмъ какъ въ Москвѣ нельзя было положиться на вѣрность ратныхъ людей, тамъ было много такихъ, которые, ради жалованья, или ради повышенія въ чинѣ, переходили на службу въ Тушинскій лагерь, а потомъ приходили къ царю Василію съ изъявленіемъ мнимаго раскаянія и не стыдились по нѣскольку разъ повторять эту измѣну (они получили названіе «перелетовъ»).

Въ Тушино прибыла также и Марина—жена перваго самозванца; отецъ ея Юрій Мнишекъ, въ ожиданіи разныхъ милостей отъ «Тушинскаго вора», уговорилъ ее признать этого самозванца своимъ мужемъ, на что Марина, послѣ долгаго колебанія, согласилась.

Когда въ осажденной Москвѣ обнаружился недостатокъ съѣст-

ныхъ припасовъ, многіе, недовольные изъ служилыхъ людей попытались свергнуть Шуйскаго. Они собрались въ Кремль, вывели изъ Успенскаго собора патріарха Гермогена, и начали кричать, что Шуйскій избранъ незаконно, потому что выбирала одна Москва безъ вѣдома другихъ городовъ. Патріархъ увѣщевалъ ихъ, и сказалъ между прочимъ: «Дотолѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никакіе города Москвѣ не указывали; а указывала Москва всѣмъ городамъ». Заговорщики бросились во дворецъ. Но Шуйскій, видя, что бояре и московскіе жители остаются спокойны, съ твердостью сказалъ мятежникамъ, что они могутъ его убить, но свести съ престола безъ согласія бояръ и всей земли не могутъ. Тогда заговорщики ушли въ Тушино.

Въ такомъ критическомъ положеніи Шуйскій рѣшился искать иноземной помощи, и послалъ своего племянника Скопина въ Новгородъ для переговоровъ со шведами. Король шведскій Карлъ IX былъ врагомъ поляковъ и опасался ихъ владычества въ Россіи; поэтому онъ охотно подалъ помощь Шуйскому. Наемный шведскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Делагарди, соединился съ Скопинымъ, который повелъ изъ Новгорода ополченіе, набранное въ сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ. Шведы и русскіе начали свое дѣло удачно: побили одинъ полкъ самозванца, побили другой, отобрали много пушекъ, обозовъ, всѣ знамена и перебили полторы тысячи народа.

Тушинскій воръ успѣлъ уже завладѣть многими городами; одни передались ему добровольно, другіе онъ захватилъ силой; сила его значительно выросла. Московское государство, казалось, доживало свой послѣдній часъ. Только одно святое мѣсто, Троицко-Сергіевская Лавра (въ 64 верстахъ отъ Москвы) не поддавалась ни измѣнѣ, ни вражеской силѣ. Въ этомъ монастырѣ засѣла монашествующая братія, старцы, служки, обыватели монастырскихъ слободъ и немногіе ратные люди, всего числомъ тысячи три. Монастырь осадили 30 тысячъ поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, били въ него изъ

пушекъ, подводили подкопы, но святая обитель отбивалась, стояла крѣпко. Отъ скопленія народа и дурной воды появились въ монастырѣ болѣзни, больные пухли и гнили; въ день умирало по 50 человѣкъ, но Лавра все держалась и защищалась отъ мятежниковъ въ продолженіи 16-ти мѣсяцевъ. Истомленныхъ защитниковъ укрѣпляла надежда на милосердіе Божіе да на помощь князя Скопина: до нихъ донесся слухъ, что князь, побивая поляковъ и измѣнниковъ, идетъ къ Москвѣ.

Въ это время многіе города перешли на сторону Шуйскаго. Помогли этому сами поляки, а больше казаки и русскіе измѣнники. Жестокость этихъ людей не знала предѣловъ: плѣнныхъ они топили, разстрѣливали; въ глазахъ родителей жгли дѣтей; головы ихъ носили на копьяхъ; грудныхъ младенцевъ разбивали о каменья. Русскіе не только не мѣшали полякамъ сквернить святые храмы, но еще и сами имъ помогали: держали въ алтаряхъ собакъ и скотину, пеленами покрывали лошадей, на иконахъ играли въ кости. Избивъ людей и забравъ все, что можно забрать, они остальное добро портили, сжигали, бросали въ воду. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ злодѣйствовали тушинцы, вмѣсто усадьбъ лежали груды пепла; по дорогамъ валялись трупы, на которыхъ стаями сидѣли вороны; въ обглоданныхъ черепахъ людскихъ птицы вили свои гнѣзда. Медвѣди, волки, лисицы свободно разгуливали по запустѣлымъ городамъ и селамъ, гнѣздились въ избахъ, въ хоромахъ. Уцѣлѣвшіе люди прятались по лѣсамъ, по болотамъ, въ звѣриныхъ логовищахъ скрывались отъ свѣта Божія, дрожали весь день за свою жизнь и какъ великаго блага ждали темной ночи. Но и ночь не всегда ихъ спасала: ночью было свѣтло, какъ днемъ, отъ зарева пожарнаго. Тушинцы съ гончими собаками отыскивали людской слѣдъ; слыша собакъ, люди не смѣли пошелохнуться въ своихъ трущобахъ; матери, удерживая крикъ младенцевъ, душили ихъ до смерти.... словно холмами покрылась Русская земля людскими могилами.

Болотниковъ является съ повинною.

Не въ терпежъ стало русскому народу отъ такихъ злодѣйствъ; онъ возсталъ на своихъ притѣснителей и принялся биться съ ними. Села, города, одни за другими, подымались противъ Тушинскаго вора, и скоро всѣ сѣверныя и восточныя земли перешли снова на сторону царя Василія. Попытки тушинцевъ остановить движеніе къ Москвѣ рати Скопина-Шуйскаго окончились неудачею. Скопинъ нанесъ польскому воеводѣ Сапѣгѣ жестокое пораженіе подъ Калязинымъ монастыремъ. Москва оживилась надеждою на близкое освобожденіе отъ осады; этому освобожденію помогъ самъ польскій король.

Узнавъ о союзѣ Шуйскаго съ королемъ шведскимъ Карломъ IX, Сигизмундъ III вторгся въ московскіе предѣлы и осадилъ Смоленскъ. Въ Тушино пріѣхали послы отъ Сигизмунда; они стали звать поляковъ на соединеніе съ королевскимъ войскомъ, совѣтовали имъ бросить самозванца. Въ лагерѣ произошло волненіе; Тушинскій воръ, не считая себя безопаснымъ среди буйныхъ, презрительно обращавшихся съ нимъ польскихъ шляхтичей, убѣжалъ изъ лагеря въ крестьянскомъ платьѣ въ Калугу, гдѣ нашелъ радушный пріемъ; вслѣдъ за нимъ ускакала и Марина, переодѣтая гусаромъ. Тогда Рожинскій, начальникъ польскихъ войскъ, зажегъ лагерь и удалился съ поляками на западъ; часть тушинцевъ, волей-неволей, вошла въ переговоры съ польскимъ королемъ. Порѣшили посадить на Московское царство Сигизмундова сына, королевича Владислава, постановили объ этомъ договоръ; русскіе измѣнники цѣловали Сигизмунду крестъ на вѣрную службу. Но многіе тушинцы не захотѣли признать польскаго королевича и бѣжали къ самозванцу въ Калугу.

Рать, осаждавшая Троицко-Сергіевскую Лавру, не получая подкрѣпленій изъ Тушина, не могла держаться дольше, да къ тому же и Скопинъ-Шуйскій былъ уже близко. Польскія войска бросили осаду и отступили. Защитники Лавры не вѣрили глазамъ своимъ; цѣлую недѣлю провели въ страхѣ и въ ожиданіи враговъ, но ихъ и слѣдъ простылъ. Тогда мужественные защитники святой обители возблаго-

дарили Бога за свое спасеніе и послали въ Москву инока со святою водою и съ доброю вѣстью.

Москва въ то время также избавилась отъ вражескаго нашествія. Скопинъ-Шуйскій въѣхалъ въ нее, вмѣстѣ съ Делагарди, 12 марта 1611 года. Люди именитые, князья, бояре стали у городскихъ воротъ съ хлѣбомъ-солью, народъ встрѣчалъ побѣдителей далеко за городомъ. Какъ только народъ завидѣлъ Скопина и Делагарди, то бросился на землю, билъ князю челомъ и плакалъ отъ радости. Царь Василій также со слезами на глазахъ благодарилъ побѣдителей. Начались пиршества и чествованіе героевъ; давно Москва не видала такого торжества, давно въ ней не было такого веселья.

Знаменитому воеводѣ, князю Михаилу-Скопину было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду. Въ одинъ годъ пріобрѣлъ онъ себѣ славу, которую другіе полководцы пріобрѣтали подвигами многолѣтней жизни, и, что еще важнѣе, пріобрѣлъ сильную любовь всѣхъ добрыхъ гражданъ, желавшихъ родинѣ успокоенія отъ смутъ. Въ то время, какъ старый, нелюбимый дядя его, Василій Ивановичъ Шуйскій, не могъ ничего сдѣлать для государства, сидя въ осадѣ, самая видная, царственная дѣятельность принадлежала Скопину;—съ его именемъ для народа связана была надежда на избавленіе отъ смутъ, на лучшее будущее. Характеръ Скопина, его благообразная наружность, свѣтлый умъ, храбрость и необычайное мужество—все это, вмѣстѣ взятое, пріобрѣло ему народную любовь; иностранцы отзывались о немъ также какъ нельзя лучше. Таковъ былъ молодой князь Скопинъ, которому, повидимому, суждено было поддержать колебавшійся престолъ стараго дяди, примирить русскихъ людей съ фамиліею Шуйскихъ, упрочить его на престолѣ царскомъ: по смерти бездѣтнаго Василія Ивановича голосъ всей земли несомнѣнно указалъ бы на любимца народнаго. Въ то время, какъ спокойные граждане терпѣливо дожидались кончины престарѣлаго Шуйскаго, чтобы законно возвести на престолъ своего избранника, чистаго отъ нареканій въ иска-

тельствахъ властолюбивыхъ, не хотѣлъ спокойно дожидаться этого рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ, неумѣвшій сдерживать своихъ порывовъ, не сознававшій необходимости средствъ безукоризненныхъ для достиженія цѣли высокой, для прочности самого дѣла. Ляпуновъ отправилъ къ Скопину пословъ, которые поздравили его царемъ отъ имени Ляпунова и подали грамоту, наполненную укоризнами противъ царя Василія. Скопинъ разорвалъ грамоту и приказалъ схватить пословъ, но потомъ отпустилъ ихъ обратно въ Рязань, не давши знать объ этомъ въ Москву. Этимъ воспользовались злые люди, чтобы поселить недовѣріе въ душѣ Василія Ивановича Шуйскаго къ его племяннику.

Вскорѣ пришлось князю Скопину быть на крестинахъ у князя Воротынскаго; во время пира юный герой внезапно занемогъ кровотеченіемъ изъ носа и, послѣ двухнедѣльной болѣзни, умеръ. Быстро разнесся слухъ объ отравѣ; говорили, что это дѣло Димитрія Шуйскаго—брата царя Василія. Жена Димитрія Шуйскаго поподчивала Скопина медомъ,—онъ выпилъ и спустя нѣсколько минутъ кровь ручьемъ хлынула у него изъ носа; его на рукахъ отнесли домой, и черезъ двѣ недѣли не стало народнаго любимца. Ужасъ овладѣлъ всѣми, а потомъ ярость; толпы народа повалили къ хоромамъ князя Димитрія Шуйскаго, и съ трудомъ отстояла его царская дружина отъ расправы разсвирѣпѣвшей черни.

По словамъ современниковъ, Скопинъ не былъ отравленъ; но трудно было разувѣрить тогдашній народъ, разъ онъ уже повѣрилъ чему нибудь. Царь Василій Ивановичъ горько плакалъ о своемъ племянникѣ и оказалъ ему почесть неслыханную: похоронилъ его въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ хоронили только царей русскихъ. Недаромъ скорбѣлъ и плакалъ Василій Ивановичъ Шуйскій: опуская въ землю тѣло Скопина, онъ погребалъ вмѣстѣ съ нимъ и престолъ свой. Теперь будущее для народа нисколько уже не связывалось съ съ фамиліею Шуйскихъ: Василій Шуйскій былъ старъ и бездѣтенъ,

а брата его Димитрія и прежде не любили, не уважали, а теперь еще обвиняли въ отравленіи племянника. Когда такимъ образомъ смертію Скопина порвана была связь русскаго народа съ Шуйскими; когда взоры многихъ невольно и тревожно обращались въ разныя стороны, ища опоры для будущаго,—раздался голосъ, призывавшій къ выходу изъ тяжелаго положенія: то былъ голосъ знакомый, голосъ Ляпунова. Рязанскій воевода поднялся противъ Шуйскаго, требовалъ его сверженія, въ Калугѣ завелъ переговоры съ самозванцемъ, въ Москвѣ совѣщался съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, который сильно желалъ овладѣть престоломъ по сверженіи Шуйскаго.

Въ то время, когда Ляпуновъ поднялъ возстаніе въ Рязани, войско московское вмѣстѣ съ вспомогательнымъ шведскимъ отрядомъ выступило противъ поляковъ, осаждавшихъ Смоленскъ. Главнымъ воеводой былъ назначенъ князь Димитрій Шуйскій, къ которому такъ непріязненно относился народъ, обвиняя его въ тяжкомъ преступленіи— отравленіи Скопина. Король польскій Сигизмундъ, узнавшій о выступленіи этого войска, отправилъ на-встрѣчу къ нему гетмана Станислава Жолкѣвскаго, который напалъ на Шуйскаго и, 24 іюня, при деревнѣ Клушино, благодаря отчасти измѣнѣ шведовъ, разбилъ его на-голову. Послѣ этой побѣды Жолкѣвскій пошелъ къ Москвѣ, провозглашая царемъ московскимъ польскаго королевича Владислава; а съ другой стороны спѣшилъ въ Москву изъ Калуги самозванецъ, надѣявшійся, что москвичи, въ крайности, скорѣе поддадутся ему, чѣмъ признаютъ царемъ польскаго королевича. Напослѣдокъ поднялась и Москва; 17 іюля 1610 года, братъ Прокопія Ляпунова, Захаръ Ляпуновъ взволновалъ народъ. Москвичи собрались во множествѣ на Красной площади, а отсюда за тѣснотою мѣста двинулись за Москву-рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ, и здѣсь бояре и люди всѣхъ сословій постановили бить челомъ царю Василію Ивановичу, чтобъ онъ царство оставилъ, потому что кровь многая льется, въ на-

Угроза Патріарху Гермогену за несогласіе его признать царемъ польскаго короля.

родѣ говорятъ, что онъ несчастливый государь, и не хотятъ его города украинскіе, которые передались тушинскому самозванцу. Волей-неволей Василій Шуйскій долженъ былъ согласиться на этотъ приговоръ народа и выѣхалъ изъ дворца въ свой прежній боярскій домъ. Но этимъ не удовольствовался Захаръ Ляпуновъ; два дня спустя онъ вмѣстѣ съ товарищами своими насильно постригъ Василія Ивановича въ монахи, и затѣмъ свезли его въ Чудовъ монастырь; жена также была пострижена, а двое братьевъ заключены подъ крѣпкую стражу. Неправдой сѣлъ Василій Ивановичъ Шуйскій на престолъ Московскаго государства, неправдой и сошелъ съ него. Не мало натерпѣлась всякихъ невзгодъ Русская земля въ его злополучное царствованіе Помимо внутреннихъ смутъ, безпощадно терзавшихъ ее, и внѣшніе враги пролили не мало русской крови, домогаясь въ конецъ обезсилить и разорить многострадальную нашу родину.

По сверженіи Шуйскаго, управленіе государствомъ перешло въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи знатнѣйшихъ бояръ (*семибоярщина*), между которыми первое мѣсто занималъ князь Мстиславскій. До избранія новаго царя всѣ должны были присягнуть и повиноватся боярамъ. Но гдѣ было взять царя? Огромное большинство не хотѣло поляка Владислава, чернь была на сторонѣ тушинскаго самозванца; но знатные и средняго сословія люди не хотѣли и слышать о немъ. Патріархъ Гермогенъ требовалъ избранія царя изъ вельможъ русскихъ, предлагалъ имъ князя Василія Васильевича Голицына или четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича. Но это желаніе выбрать царя изъ своихъ не могло на этотъ разъ осуществиться. Въ Можайскѣ стоялъ съ польскимъ войскомъ гетманъ Жолкѣвскій, требуя, чтобы Москва признала царемъ Владислава, а въ селѣ Коломенскомъ стоялъ тушинскій самозванецъ. Временному правительству московскому не было возможности отбиваться разомъ отъ Жолкѣвскаго и отъ самозванца; некогда было также созывать соборъ для избранія царя

всею землею: оставалось только выбирать изъ двоихъ искателей престола, тушинскаго самозванца или Владислава. Узнавши, что приверженцы тушинскаго Лжедимитрія хотятъ впустить его войско тайно въ Москву, первый бояринъ князь Мстиславскій послалъ сказать Жолкѣвскому, чтобы тотъ шелъ немедленно подъ столицу. Когда тотъ подошелъ подъ Москву, то начались переговоры между нимъ и боярами. Жолкѣвскій объявилъ, что онъ согласенъ только на тѣ условія избранія Владислава, которыя приняли русскіе (перешедшіе изъ тушинскаго лагеря) подъ Смоленскомъ; но такъ какъ бояре московскіе требовали, чтобъ королевичъ Владиславъ принялъ православіе до пріѣзда своего въ Москву, то это условіе положено было передать на рѣшеніе короля. 27 августа происходила торжественная присяга московскихъ жителей королевичу Владиславу; но черезъ два дня послѣ этой присяги пріѣхалъ изъ-подъ Смоленска Ѳедоръ Андроновъ (русскій перебѣжчикъ изъ тушинскаго лагеря въ польскій) съ письмомъ отъ короля Сигизмунда, который требовалъ отъ гетмана Жолкѣвскаго, чтобъ Московское государство было упрочено за нимъ самимъ, а не за сыномъ его. Вслѣдъ за Андроновымъ пріѣхалъ въ Москву панъ Гонсѣвскій, съ подробнѣйшимъ наказомъ для гетмана; но не только самъ гетманъ, но и Гонсѣвскій, узнавъ о положеніи дѣлъ, счелъ невозможнымъ исполнить желаніе короля, котораго одно имя, по собственному признанію поляковъ, было ненавистно московскому народу. Тогда Жолкѣвскій уговорилъ московскихъ бояръ отправить посольство къ королю Сигизмунду для испрошенія Владислава въ цари и для окончательнаго улаженія дѣла. По настоянію ловкаго гетмана, во главѣ посольства отправились князь Василій Васильевичъ Голицынъ (домогавшійся русскаго престола и слѣдовательно человѣкъ опасный для поляковъ) и митрополитъ ростовскій Филаретъ (бывшій бояринъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ—отецъ юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова). Вслѣдъ затѣмъ, по приглашенію самихъ бояръ, Жолкѣвскій

ввелъ въ Москву польское войско. Онъ былъ человѣкъ умный, хитрый, умѣлъ устранять враждебныя столкновенія поляковъ съ москвичами, и даже сумѣлъ заслужить довѣріе патріарха Гермогена. Но когда гетманъ узналъ, что король Сигизмундъ не соглашается отпустить сына и желаетъ московской короны для себя и, убѣдившись, что возстаніе вспыхнетъ при первой вѣсти о нежеланіи короля отпустить Владислава въ Москву,—гетманъ Жолкѣвскій поспѣшилъ уѣхать изъ Москвы, оставивъ на свое мѣсто пана Гонсѣвскаго. Изъ опасенія, чтобы сверженный царь Василій Шуйскій и братья его не надѣлали смутъ въ Москвѣ, Жолкѣвскій взялъ ихъ съ собою къ королю въ Смоленскъ. Поляки рѣшили не отказывать русскимъ прямо въ королевичѣ, но манить обѣщаніями, оставляя правленіе за королемъ. На этомъ основаніи паны объявили русскимъ посламъ, Филарету и Голицыну, что король не можетъ отпустить своего пятнадцатилѣтняго сына въ Москву, хочетъ прежде самъ успокоить Московское государство, послѣ чего поляки начали настаивать на томъ, чтобъ Смоленскъ сдался на имя королевское. Послы никакъ не хотѣли на это согласиться, требовали, чтобъ Владиславъ немедленно былъ отпущенъ въ Москву; они говорили, что только немедленный пріѣздъ его уничтожитъ недовѣріе въ народѣ и прекратитъ смуты. Такъ время шло въ безполезныхъ спорахъ, и паны польскіе стали позволять себѣ грубыя выходки противъ пословъ. Пріѣздъ гетмана Жолкѣвскаго въ Смоленскъ нисколько не подвинулъ дѣла. Видя непреклонность главныхъ пословъ, поляки обратились къ второстепеннымъ, обѣщаніями склонили нѣкоторыхъ измѣнить своему дѣлу, бросить главныхъ пословъ и отправиться въ Москву, чтобъ тамъ дѣйствовать въ пользу короля Сигизмунда. Ничего не добившись отъ главныхъ пословъ московскихъ, Сигизмундъ приказалъ отправить ихъ плѣнниками въ Польшу; туда же отвезли и бывшаго царя Василія съ братьями. Въ это самое время Тушинскій самозванецъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, крещеннымъ татариномъ Петромъ

Урусовымъ, который поклялся отмстить ему за татарскаго царевича, умерщвленнаго по приказу самозванца.

Смерть Лжедимитрія развязала руки тѣмъ противникамъ польской партіи, которые только изъ страха увидѣть на престолѣ самозванца соглашались признать царемъ Владислава; къ тому же вѣсть о замыслахъ Сигизмунда, яраго католика, возбуждала въ Москвѣ общій ропотъ. Патріархъ Гермогенъ началъ разсылать по городамъ грамоты, призывая народъ вооружиться на защиту православія. Тогда въ областяхъ поднялись служилые люди, и дружины 25 городовъ двинулись къ Москвѣ подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова; съ нимъ соединились, бывшіе прежде въ службѣ у Тушинскаго вора, казацкіе отряды, предводимые княземъ Трубецкимъ и атаманомъ Заруцкимъ.

Прежде нежели подоспѣло это ополченіе, москвитяне уже завязали битву и начали тѣснить поляковъ. Непріятели спаслись тѣмъ, что зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ, и пожаръ обратилъ въ пепелъ всю Москву; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, въ которомъ засѣлъ польскій гарнизонъ и мужественно выдерживалъ осаду русскаго ополченія, подступившаго въ числѣ 100,000 человѣкъ. Начальство намъ русскимъ войскомъ и управленіе государственными дѣлами, по общему приговору, вручено было тремъ вождямъ: князю Димитрію Трубецкому, Ивану Заруцкому и думному боярину Прокопію Ляпунову. Но между предводителями скоро обнаружилась сильная ненависть и распря. Ляпуновъ, человѣкъ весьма даровитый и энергическій, возбудилъ противъ себя неудовольствіе своею гордостью и неуступчивостью; особенно ненавистенъ сдѣлался онъ казакамъ, которыхъ преслѣдовалъ за буйства и грабежи. Этой ненавистью воспользовался полякъ Гонсѣвскій, и переслалъ въ казацкій станъ подложную грамоту, написанную отъ имени Ляпунова и заключавшую въ себѣ приказъ истреблять казаковъ. По своему обычаю, казаки собрались въ кругъ, вызвали Ляпунова, и, когда онъ въ суровыхъ выраженіяхъ сталъ отрекаться отъ грамоты, изрубили его саблями.

Келарь Авраамій Полицинъ увѣщеваетъ народъ вооружиться противъ поляковъ.

Со смертью главнаго вождя ополченіе разстроилось: дворяне разъѣхались по домамъ, а казаки хотя и продолжали осаду, но занимались преимущественно грабежемъ сосѣднихъ областей. Между тѣмъ Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ; отбиваясь 20 мѣсяцевъ отъ поляковъ, жители Смоленска въ-конецъ изнемогли; отъ недостатка соли открылась цынга, и изъ 80 тысячъ жителей едва осталось восемь. Поляки пробили городскую стѣну и ночью взяли городъ приступомъ; смоляне заперлись въ церкви, подожгли въ погребѣ порохъ и взлетѣли на воздухъ, а мужественный воевода Шеинъ съ немногими товарищами попался въ плѣнъ; его пытали и въ оковахъ отправили въ Литву. Въ то же время Новгородъ былъ взятъ шведами, а въ Псковѣ явился третій Лжедимитрій (бѣглый дьяконъ Сидорка); нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины Мнишекъ, родившагося отъ Тушинскаго самозванца. По всей Русской землѣ бродили шайки разбойниковъ и грабителей.

Въ эту смутную эпоху вполнѣ проявилась разрозненность областей, изъ которыхъ составилось Московское государство. Когда Москва была занята поляками, унижена и обезсилена, въ областяхъ, еще помнившихъ о своей самостоятельной жизни и предоставленныхъ теперь самимъ себѣ, пробудилась сильная дѣятельность. Снова пробудились древнія общины и удѣльныя княжества: Владиміръ, Новгородъ, Псковъ, Рязань, Вятка и др. По всѣмъ главнымъ городамъ открылись шумныя вѣча; горожане и сосѣдніе крестьяне стали собираться на площадяхъ для земскихъ совѣтовъ; города посылали другъ къ другу гонцовъ съ грамотами, которыя читались всенародно. Въ этихъ грамотахъ они приглашали другъ друга въ случаѣ опасности дѣйствовать единодушно, просили о присылкѣ ратныхъ людей и денегъ. Но единодушія было мало. Тогда вспомнилась старая взаимная вражда нѣкоторыхъ областей. Еще съ большею силою эта непріязнь выразилась въ восточныхъ областяхъ, составлявшихъ нѣкогда Казанское и Сибирское царства. Восточные инородцы (татары,

черемисы, мордва) были раздражены жестокимъ управленіемъ, насильнымъ переселеніемъ во внутреннія области, обращеніемъ въ служилыхъ людей и въ православіе. Во многихъ мѣстахъ они открыто возстали, убивали въ своемъ краю русскихъ поселенцевъ и грабили сосѣднія русскія земли.

Но когда движеніе рязанскихъ и сѣверскихъ городовъ, подъ начальствомъ Ляпунова, окончилось неудачею, по случаю смерти его отъ руки буйныхъ казаковъ, опасность чужеземнаго польскаго ига и ненависть къ латинской вѣрѣ (угрожавшей вмѣстѣ съ польскимъ игомъ уничтожить православіе) пробудили въ народѣ потребность болѣе единодушнаго дѣйствія, и не допустили совершиться бѣдѣ. Честные земскіе люди, натерпѣвшись горя, увидѣли наконецъ, что не время думать каждому о себѣ, что всѣмъ надо быть въ согласіи и не жалѣть ничего для спасенія отечества и вѣры. Духовенство и важнѣйшіе монастыри (которые въ то же время были и крѣпости) явились сильною опорою для поддержанія единства и для спасенія Русской земли. Въ особенности Троицко-Сергіевская Лавра обнаружила въ это бѣдственное время необыкновенную дѣятельность. Архимандритъ Лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ всѣми силами старались поддержать упавшій духъ народа, и неутомимо разсылали увѣщательныя грамоты по областямъ, призывая ратныхъ людей на защиту православной вѣры и отечества Грамоты эти передавались изъ города въ городъ и возбуждали въ народѣ сильное религіозное воодушевленіе, особенно въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Россіи, которыя менѣе другихъ пострадали отъ польскихъ и казацкихъ шаекъ.

Въ октябрѣ 1611 года одна изъ Троицкихъ грамотъ явилась въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда протопопъ прочелъ ее въ соборной церкви передъ всѣмъ народомъ, земскій староста Кузьма Мининъ Сухорукій (мясной торговецъ) началъ уговаривать сограждавъ вступиться за православную вѣру и помочь Московскому государству. «Не пожалѣемъ ничего—говоритъ онъ: продадимъ дома свои, зало-

жимъ женъ и дѣтей нашихъ, и соберемъ казну на жалованіе ратнымъ людямъ». Рѣчи его понравились нижегородцамъ. Но прежде всего надобно было найдти искуснаго воеводу; Мининъ указалъ на князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, который жилъ въ то время въ своемъ помѣстьи въ Суздальскомъ уѣздѣ, и лечился тамъ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвахъ съ поляками во время разоренія Московскаго государства. Пожарскій согласился на просьбу нижегородцевъ, но требовалъ, чтобы они выбрали достойнаго человѣка завѣдывать общественною казною, и, въ свою очередь, указалъ на Минина, который и былъ всенародно выбранъ хранителемъ общественной казны. Онъ принялъ на себя эту обязанность только тогда, когда нижегородцы написали приговоръ, что не пожалѣютъ ничего для великаго дѣла.

Какъ скоро разнеслась вѣсть о движеніи въ Нижнемъ-Новгородѣ, со всѣхъ сторонъ начали сходиться туда служилые люди, т. е. дворяне и дѣти боярскіе: многіе города присылали и ратниковъ и деньги; составилось многочисленное ополченіе, которое наконецъ двинулось на освобожденіе столицы. Походъ Пожарскаго встревожилъ находившихся въ Москвѣ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Они потребовали отъ патріарха Гермогена, томившагося въ тюрьмѣ (онъ былъ заключенъ въ тюрьму поляками въ то время, когда шли переговоры о воцареніи Владислава), чтобы онъ уговорилъ нижегородское ополченіе воротиться назадъ. Гермогенъ отвѣчалъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на спасеніе государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!» Поляки такъ озлобились за это на Гермогена, что уморили несчастнаго старца голодомъ. Казаки, оставшіеся подъ Москвою и успѣвшіе уже присягнуть псковскому Лжедимитрію, сдѣлали нѣсколько попытокъ открытою силою помѣшать походу нижегородскаго ополченія. Когда же эти попытки неудались, Заруцкій подослалъ убійцъ, и въ Ярославлѣ, гдѣ Пожарскій нѣсколько замѣшкался съ главнымъ войскомъ, одинъ казакъ хотѣлъ ударить князя

ножемъ, но промахнулся и убилъ другаго. Заруцкій послѣ того удалился съ своими шайками на юго-востокъ въ степи, куда онъ взялъ съ собою и Марину, вдову Тушинскаго самозванца, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ ея Иваномъ. Число поляковъ, сидѣвшихъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ, также значительно уменьшилось: многіе изъ нихъ самовольно оставили службу и ушли въ Польшу, уѣхалъ и Гонсѣвскій, мѣсто котораго занялъ Струсь. Но за то опять шелъ къ Москвѣ съ свѣжимъ войскомъ гетманъ Ходкѣвичъ; Пожарскій упредилъ его и 18 августа подошелъ къ Москвѣ. Трубецкой съ казаками требовалъ, чтобъ прибывшее нижегородское ополченіе стало съ нимъ вмѣстѣ; но ратные люди, пришедшіе съ Пожарскимъ, помнили участь Ляпунова и объявили: «Отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать». Вечеромъ 21-го августа явился подъ Москву и Ходкѣвичъ. Чтобы загородить ему дорогу въ Кремль, русское войско стало по обоимъ берегамъ Москвы-рѣки: Пожарскій на лѣвомъ, а Трубецкой на правомъ. 22-го числа гетманъ напалъ на Пожарскаго, но былъ отбитъ; 24-го онъ двинулся по правой сторонѣ рѣки къ Кремлю; казаки въ рѣшительную минуту отказались биться и ушли въ свой станъ; ополченію приходилось тяжело; Пожарскій и Мининъ стали просить Троицкаго келаря Авраамія Палицына, чтобъ онъ уговорить казаковъ биться съ врагами. Палицынъ пошелъ въ казачій станъ; здѣсь казаки пьянствовали и играли въ кости. Они были оборваны, босы, наги, награбленное добро не шло имъ въ прокъ: все пропивалось и проигрывалось. Палицынъ повелъ къ нимъ ласковую рѣчь, хвалилъ ихъ храбрость; говорилъ имъ, что они начали великое дѣло, такъ какъ же имъ это дѣло погубить? Казаки послушались святого отца и бросились въ бой. Тогда общими усиліями ополченцевъ и казаковъ, и особенно благодаря смѣлому движенію Минина съ отборнымъ отрядомъ, побѣда осталась на сторонѣ русскихъ. Ходкѣвичъ былъ отбитъ и ушелъ восвояси, не успѣвъ снабить осажденныхъ поляковъ съѣстными припасами.

22-го октября казаки пошли на приступъ и взяли Китай-городъ.

Мининъ воодушевляетъ народъ на жертвы.

Въ Кремлѣ поляки держались еще мѣсяцъ, терпя страшный голодъ, заставившій ѣсть человѣческое мясо; наконецъ сдались на условіи, чтобъ имъ была дарована жизнь. Сперва были выпущены изъ Кремля бояре—князья Мстиславскій, Воротынскій, Иванъ Никитичъ Романовъ съ племянникомъ Михаиломъ Өедоровичемъ; потомъ вышелъ полковникъ Струсь—начальникъ польскаго гарнизона. 27-го ноября ополченіе и народъ съ торжествомъ вошли въ очищенный отъ враговъ Кремль. Въ Кремлѣ и въ Китай-городѣ было найдено у поляковъ много добра, не хватало у нихъ одного—съѣстныхъ припасовъ; всюду стояли котлы съ человѣчьимъ мясомъ. Все добро поляковъ Мининъ забралъ въ казну и, по приказу Пожарскаго, отдалъ казакамъ вмѣсто жалованья. Плѣнныхъ подѣлили между казаками и земскими людьми; казаки своихъ плѣнниковъ почти всѣхъ перебили.

Тѣмъ временемъ польскій король съ небольшою ратью спѣшилъ къ Москвѣ выручать своихъ; но, дорогою узнавъ, что поляки сдались, воротился назадъ.

Совершилось великое дѣло: Козьма Мининъ и князь Димитрій Пожарскій избавили Москву отъ иноземцевъ, спасли Московкое государство. Теперь оставалось выбрать царя, чтобы положить конецъ тягостному для всѣхъ безначалію. Бояре и воеводы послали гонцовъ во всѣ концы Русской земли, велѣли звать въ Москву всѣ духовныя власти и выборныхъ отъ дворянъ и отъ всѣхъ прочихъ сословій. Когда выборные съѣхались въ Москву, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго собрался великій земскій соборъ, и 21-го февраля 1613 года каждый выборный подалъ письменное мнѣніе; когда пересмотрѣли всѣ мнѣнія,—вездѣ было написано одно имя: «Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ». Послѣ этого, послали четырехъ человѣкъ на Красную площадь, гдѣ толпился народъ, спросить его, кого онъ хочетъ въ цари. «Михаила Өеодоровича Романова»,—закричалъ народъ.

Отслужили молебенъ, и на ектеніи помянули избраннаго царя Михаила.
